

ВОЙНА КОНЧАЕТСЯ ВОЙНОЙ

НКВД

ПРОТИВ ВРАГОВ РОДИНЫ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НКВД против врагов Родины

Сергей Зверев

Война кончается войной

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверев С. И.

Война кончается войной / С. И. Зверев — «ЭКСМО»,
2017 — (НКВД против врагов Родины)

ISBN 978-5-04-089115-3

В освобожденном от фашистов Ровенском районе Украины зверствуют банды националистов. Части НКВД преследуют бандитов, но те, при поддержке немецкого командования, действуют хитро и изворотливо. После очередного рейда в руки чекистов попадает записка, адресованная руководителям нацистского подполья, в которой идет речь о готовящейся кровавой бойне под кодовым названием «Красный восход». На этот раз жертвой оуновцев должно стать молодое пополнение Красной армии. Но где и когда бандиты нанесут удар — неизвестно. Чтобы сорвать планы нацистов, на помощь местным властям прибывает группа оперативников из Москвы. Им удастся выяснить, что в разработке предстоящей резни националистам помогал кто-то из числа... ровенских чекистов.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089115-3

© Зверев С. И., 2017
© ЭКСМО, 2017

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Зверев

Война кончается войной

Глава 1

Самым обидным было то, что он потерял свою пограничную фуражку. А что ты за пограничник, если у тебя нет зеленой фуражки – символа погранвойск. Эта мысль острой занозой застряла в голове. Трясло неимоверно, нестерпимая боль от раны в плече пронзала насквозь и доставала, казалось, до самого сердца.

Алексей стискивал зубы и, чтобы не стонать, старался отвлекать себя мыслями, заставлял думать о том страшном, что произошло за последний месяц. Он то терял сознание, то снова выплывал из тошнотворной тьмы, и его опять трясло и качало. Он упорно старался думать, борясь с накатывающейся дурнотой: «Если я еще раз потеряю сознание, то умру. А пограничник не имеет права умирать, пока его землю топчет враг. Пограничник защищает границу всеми силами».

Лейтенант Алексей Мороз прибыл в штаб 90-го Владимир-Волынского погранотряда 10 июня 1941 года. Выпускнику училища хотелось сразу попасть на заставу, где ему предстояло собственноручно, ну и с помощью своих товарищей, конечно, ловить агентов империалистических разведок, которые то и дело пытались перейти границу Советского Союза, чтобы вершить здесь свои черные дела.

Но командование, ознакомившись с аттестациями молодого лейтенанта, решило иначе – учебный центр и подготовка молодых солдат, прибывающих служить на границу.

– Вы знаете, товарищ лейтенант, – строго спрашивал Мороза начальник отряда майор Михаил Степанович Бычковский, – в каких условиях вам здесь служить придется? Учитывайте, что население этих районов только недавно принято в семью братских народов СССР. Местные жители десятки, сотни лет были под гнетом польских панов и румынских эксплуататоров. Они никому не верят, они не видели ни свободы, ни свободного труда. Доверие советской власти в их глазах еще придется заслужить, показать, что мы истинно народное государство. А пограничники здесь – прямые представители власти и первые защитники. Без помощи местного населения границу охранять сложно. Нужна поддержка людей. А здесь многие нам еще не доверяют, боятся, а есть еще такие, и их немало, кто желчью исходит, лютой злобой ко всему, что называется словом «советский». Эти готовы и нож в спину. Учитывайте это, товарищ лейтенант, присматривайтесь. Учитесь понимать этих людей.

Да, был такой разговор. Это Алексей помнил. Помнил он и напряженные последние дни, когда тревожные сообщения буквально сыпались на командование отряда. И звуки моторов на той стороне, и передвижение войск, и, говорят, даже перебежчик был. А потом поступил приказ в ночь на 22 июня занять оборонительные укрепления на заставах. А что за укрепления! Окопы да несколько ДЗОТов¹. И что могла сделать застава при штатной численности 42 человека, когда все вооружение состояло из одного станкового пулемета «максима», трех ручных пулеметов Дегтярева и 37 пятизарядных винтовок образца 1891/1930 года? И боезапас – по 200 патронов на каждую винтовку, по 1600 на каждый ручной пулемет и 2400 на станковый пулемет. Правда, были еще гранаты: по четыре «РГД» на каждого пограничника и десятков противотанковых гранат на всю заставу.

¹ ДЗОТ (*аббрев.*) – деревоземляная огневая точка. Полевое оборонительное фортификационное сооружение из досок, бревен и земляной насыпи. Имела, как правило, одну или две амбразуры для ведения пулеметного огня.

Все это Алексей Мороз знал еще со времен обучения в училище. Этого вооружения хватит на пару часов полноценного боя, а заставы держались сутками. Дрались, отбивали атаки и... умирали. Не отошел ни один пограничник.

22 июня лейтенанта Мороза с пятнадцатью бойцами отправили на помощь 13-й заставе, которая вела бой уже несколько часов. Умело организовавший оборону начальник заставы лейтенант Лопатин отбивал атаку за атакой. Мороз хорошо видел перепаханые снарядами и минами укрепления: полузасыпанные окопы, разбитые ДЗОТы. И лежащих пограничников. Слишком много их лежало на брустверах и в окопах без движения, все еще сжимая в руках оружие. Убитые, убитые, убитые...

Морозу со своим маленьким отрядом с автоматами «ППШ», тащившим гранаты и патроны, не удалось преодолеть каких-то пятисот метров. Не добившись успеха в лобовой атаке, немцы обошли заставу с флангов.

Группу Мороза атаковало не меньше роты фашистов с двумя бронетранспортерами. Яростный бой был коротким. Исполосованный пулеметным огнем лесок проутюжили гусеницами немецкие танки.

Раненый Мороз пришел в себя и понял, что он полузасыпан землей. Ночь, холодные звезды, вызывающие страшный озноб, а вокруг – тела пограничников. Где-то продолжался бой, там же в ночи ревели двигатели немецкой бронетехники, лязгали гусеницы.

Лейтенант помнил, что, перевязав, как мог, плечо, он два дня пытался ползти. Потом голоса, какие-то люди. Его подняли, положили на телегу и повезли. Страшная тряска, от которой он все время терял сознание. Иногда в голове светлело, и он видел, что рядом с телегами идут какие-то люди в гражданском. Потом рев танковых моторов...

Когда Мороз открыл глаза в следующий раз, то увидел немецкого офицера с плетеными погонами. Тот рассматривал его офицерское удостоверение.

– Вот, господин офицер, это пограничник! – сообщил стоящий рядом высокий мужчина в полувоенном френче. – Мы патриоты Украины, и мы готовы помогать немецким властям.

– Кто вы такие? – коверкая русские слова, спросил немец. – Партизаны?

– Мы патриоты из Организации украинских националистов². Мы вместе с доблестной германской армией готовы очищать украинскую землю от большевиков!

– Для кого очищать? – холодно глянул на украинцев офицер. Не дождавшись ответа, он, не глядя, швырнул документ в телегу, махнул своему водителю рукой и бросил короткое «не нужен».

Приложив пальцы к козырькам гражданских кепок и военных мягких фуражек, националисты стояли, отдавая честь, пока машина не скрылась в пыли, обгоняя маршевую немецкую часть.

– А що с этим робити? – спросил один из мужиков, кивая на пограничника.

– Давай в лис, – махнул высокий в сторону опушки.

– Хлопцы, видпустили б ви мене? – взмолился мужик-возчик, который все это время держал коня под уздцы.

– Погоняй! – рявкнул высокий и широким размашистым шагом двинулся к лесу.

На ближайшей поляне он велел остановиться и разжечь костер. Лейтенанта сбросили с телеги, из его раны на плече снова пошла кровь, пропитывая подсохшую гимнастерку. Один

² С началом нападения Германии на СССР боевики и сторонники ОУН развернули широкую диверсионную и саботажную деятельность в тылах РККА. В ряде городов и населенных пунктов были инициированы вооруженные выступления. Часто продвигавшиеся в передовых эшелонах немецких войск сторонники ОУН, т. н. походные группы ОУН, при занятии населенных пунктов организовывали в них новую администрацию и структуры управления, в том числе украинскую милицию. Уже 23 июня 1941 года руководство ОУН направило меморандум о своем дальнейшем сотрудничестве с Германией в Рейхсканцелярию.

из бандитов деловито достал из-под соломы винтовку, вытащил из нее шомпол и принялся нагревать его на огне. Мужик-возчик зажмурился и отвернулся.

Высокий, которого все называли Остапом, рывкнул на возчика, чтобы тот не отворачивался и смотрел. Мужик побледнел. Через пелену страха и ужаса, застилавшую его глаза, он видел, как дергаются ноги пограничника, как он стонет и пытается вырваться. Потом ноги перестали скрести по траве. Перепуганный до смерти свидетель дикой расправы не знал, что последние двадцать минут после этого оуновцы, сами того не ведая, глумились уже над мертвым телом.

...Несколько месяцев тяжелых наступательных боев в Приднепровье к весне 1944 года были позади. Войска четырех Украинских фронтов взломали немецкую оборону на всем протяжении от Припяти до низовий Днепра и продвинулись в течение двух месяцев в западном направлении на 150–250 км.

Были разгромлены несколько крупных группировок врага и сорваны его планы восстановления обороны по Днепру. Были освобождены Киевская, Днепропетровская, Запорожская, Житомирская, Ровенская и Кировоградская области, ряд районов Винницкой, Николаевской, Каменец-Подольской и Волынской областей.

Но мир на освобожденных территориях все еще не наступал. Разрозненные группы немцев пробирались к линии фронта. Используя заранее подготовленные схроны, склады с оружием и продовольствием, активизировались банды украинских националистов. Они убивали советских военнослужащих, охотились за старшими офицерами, нападали на склады, зверски расправлялись с представителями советской власти на местах, особенно в сельской местности. Объектами диверсий оуновцев были: железная дорога, объекты городской инфраструктуры, партийные и советские административные здания, предприятия.

...Пулеметы били длинными очередями, не давая бойцам роты НКВД поднять головы. «Да сколько же у них там патронов? – со злостью подумал старший лейтенант Шаров, лежавший в старой воронке от авиационной бомбы. – Миномет бы сюда! Через десять минут в дым, в пыль разнесли бы этот чертов лесок. Вот она, специфика. Нужно взять хоть кого-то живыми, иначе – ноль информации, начальство потом живьем съест».

Шаров повернулся на бок и посмотрел назад, в сторону шоссе. Там на большой скорости неслись два «студера», крытых брезентом.

– Ну, наконец-то, – кивнул он на машины капитану, лежавшему рядом с ним с автоматом в руках. – Теперь мы их зажмем с двух сторон, начнут поднимать лапы вверх. Жить им сейчас хочется, понимаешь!

И вдруг в ответ на пулеметы, бившие из леса, ударили несколько винтовок, потом еще и еще. Хлесткие выстрелы стегали по кустам, как кнутом, и вот уже вся цепь бойцов НКВД ввязалась в непрерывную перестрелку.

Шаров ругнулся, вытаращив от бешенства глаза, заорал:

– Прекратить огонь, вашу мать! Прекратить!

Капитан, командир роты, чьи бойцы не выдержали и начали стрелять по бандитам, вскочил и бросился вперед, к передовой цепи. Шаров ударил что есть силы кулаком по земле, потом устало вытер лицо тыльной стороны ладони и пробормотал:

– Что же вы, ребята. Не 41-й же, научились небось воевать-то. Что же вы сорвались?

Спать хотелось невероятно. Шаров был на ногах уже третьи сутки, с тех пор как 16 мая стало известно о банде оуновцев. Пока опрашивали очевидцев, пока осматривали место их последней дневки, вычисляли направление движения, старший лейтенант Шаров, которого направили из Ровно на поиски банды, мотался с места на место, принимал решения, звонил в

Управление майору Воротникову. Потом они буквально на коленке разработали план блокирования банды восточнее Здолбицы.

Банда затаилась в лесном массиве, и чтобы оуновцы не прорвались к шоссе, Шаров прижал их огнем одной ротой. В ответ бандиты стали отстреливаться как бешеные, но почему-то не делали попыток прорваться, уйти. И когда через полтора часа прибыла еще одна рота из состава частей НКВД по охране железной дороги, Шаров принял решение атаковать и уничтожить банду.

– Товарищ старший лейтенант! – позвал его молоденький младший лейтенант, придерживавший на голове наушники рации. – Лиса на связи. Сообщает, что вышел на место.

– Ну понеслась, – глянув на часы, зло бросил Шаров. – Лисе ждать. Запроси готовность Волка.

– Волк готов.

– Всем готовность – три минуты. Атака по команде «Ракета».

Шаров облокотился о землю и прижал к глазам бинокль. Командир роты осадил своих разгорячившихся, рвущихся в бой солдат, и теперь стрельба на окраине лесочка поутихла. Да и пулеметы стали бить реже, короткими очередями. «А ведь они перемещаются, меняют позиции, – понял Шаров. – Значит, поняли, что прибыло новое подразделение и колечко сжимается».

– Радист! – крикнул Шаров, укладывая бинокль в чехол на груди. – Команда «Ракета». Три раза передай всем – «Ракета»!

Страхнув травинки с кожуха ствола своего «ППС», оперативник стал ждать. Вот по намеченным целям ударили ручные пулеметы из ротной цепи. Бойцы в синих фуражках попарно перебежками бросились вперед. Винтовки били теперь по лесу не беспорядочно, открылась четкая прицельная стрельба. Неожиданно за лесом тоже заработали пулеметы, потом несколько автоматов, судя по звуку – немецкие «МП-40».

– Есть, родимые, – улыбнулся Шаров, опуская на подбородок ремешок фуражки. – Радист, за мной!

Он бежал, перепрыгивая канавы и рытвины. Стрельба переместилась в лес и велась теперь хаотично то в одном, то в другом месте. Банду рассеяли, это было очевидно. У самой опушки Шаров увидел двух раненых бойцов из роты НКВД, которым оказывали помощь санитары. В лесу он сразу наткнулся на мертвого пулеметчика-оуновца. Пуля попала ему в голову, немецкий «МГ-42», лежащий перед ним, был залит кровью. Потом трупы стали встречаться чаще. На опушке, подняв руки за голову, стояли трое бандитов. Бойцы обыскивали их, бросая извлеченные из карманов вещи на расстеленную плащ-палатку.

– Закончили, Шаров, – повернулся к подхлеставшему оперативнику командир роты НКВД. – Двадцать шесть бандитов, оказавших сопротивление, убиты. Трех взяли живыми.

– Трупы на поляну. Где твой фотограф, капитан? Посади пару толковых сержантов, пусть перепишут все стрелковое оружие бандитов. Надо еще понять, кто у них командир.

– Вон тот, в фуражке немецких егерей, – показал капитан на тело на краю поляны. – Когда этих трех брали, они сразу на него указали. Мол, мы тут пустое место, нули без палочек, вали все на мертвого.

Шаров присел на корточки возле тела. Крепкий плечистый мужик с чуть тронутыми сединой висками. На вид лет сорок или сорок пять. Сапоги на нем офицерские, советского, судя по подошвам, производства. Бриджи – или польские, или английские. Сорочка под распахнутой курткой чистая, дорогая.

Отложив автомат в сторону, Шаров начал обыскивать карманы убитого, аккуратно выкладывая содержимое на расстеленный на траве собственный носовой платок.

– Бумажник, – комментировал он вслух, – коричневой кожи, потертый, довоенного изготовления. Клейма производителя нет. Содержимое: советские рубли, квитанция из мастерской № 3 по ремонту обуви, город Ровно. Фотография женщины с ребенком на руках.

– Жена? – предположил стоявший рядом капитан.

– Может быть. По крайней мере, это поможет установить личность. Дальше – расческа из желтой пластмассы. А это что? – Шаров похлопал рукой по краю полы куртки. – Там под подкладкой что-то зашито. Бумаги. Нож есть, капитан?

Сложенная вчетверо бумага оказалась листом из обычной ученической тетради.

– А вот это уже интересно, – тихо сказал Шаров, поднимаясь на ноги.

– Что там, письмо? – поинтересовался ротный.

– Разберемся, – деликатно ушел от ответа оперативник, опуская руку так, чтобы капитан не смог прочитать текст. – Прикажи своим ребятам, чтобы обыскивали тщательно. Такие вот тайники под подкладками пусть ищут. И за голенищами сапог смотрят.

Когда капитан отошел к своим бойцам, Шаров снова развернул бумагу. Текст был написан карандашом, а не чернилами. Значит, боялись, что подмокнет. Не напечатали на пишущей машинке, значит, не было времени или возможности. Сочинял человек грамотный, привыкший писать отчеты:

«Настоящим сообщаю, что потери после трех боев с частями НКВД составляют около 60 %. Мы потеряли четыре хорошо подготовленные базы для приема груза и шесть конспиративных квартир. Выявить предателей не удалось. Считаю, что сведения в НКВД поступили от арестованных братьев, кто сломался на допросах.

Прошу сообщить лично Доктору, что в сложившихся условиях операцию готовить невозможно. Прошу увеличить срок подготовки еще на два месяца. «Мероприятие», которое готовят советские власти на освобожденных от немцев территориях, произойдет в ранее указанные мной сроки.

Бригадир».

Майор госбезопасности Воротников был грузным мужчиной с толстой шеей. В нем чувствовался бывший борец. И не только осанка и мощный торс выдавали в этом человеке спортсмена, чемпиона округа. Во взгляде майора, что бы он ни говорил в этот момент, чем бы ни был занят, всегда чувствовалась железная решимость добиться своего, довести дело до конца, победить.

Шаров сидел перед начальником Управления и еле сдерживался, чтобы не «клюнуть носом». Спать хотелось неимоверно. И здесь, в тепле кабинета, после промозглой сырости лесов его просто развезло.

– Ты давай, – строго кивнул Воротников, – пей чай! Дальше что?

– Осмотрели досконально место последней стоянки банды в лесу, – продолжал рассказ Шаров, хмуро разглядывая свои грязные руки с траурными ногтями. – У меня такое ощущение возникло, Глеб Иванович, что они там ждали чего-то или кого-то. Ну, посудите сами. Они поняли, что им сели на хвост, что местность в районе последней их дневки прочесывает рота НКВД. Они понимают, что с собаками или без собак мы выйдем на их след. Но они упорно сидят в лесном массиве под Здолбицами. Даже выставили заслоны на путях подхода к их стоянке. Пулеметные позиции грамотно устроили с широким сектором обстрела. Зачем? А пока мы топтались там, они вполне могли уйти в сторону Луцка, в густые леса. Они не дураки, понимают, что в погоню за ними мы бы туда с одной ротой не сунулись. И с двумя не сунулись.

– Сунулись бы, – хмуро возразил Воротников. – Получили бы приказ и сунулись как миленькие. И банду бы взяли.

– Да я не об этом, товарищ майор!

– Понял я тебя, Олег, понял, – Воротников снова подвинул к себе письмо, которое извлекли из-за подкладки убитого бандита. – Что еще?

– Оружие у них в основном немецкое. Кое-что из личных вещей тоже. Ножи складные, часы, фляжки.

– Трофейное?

– Новое, Глеб Иванович.

– Новое? – Воротников оторвал взгляд от письма и внимательно посмотрел на оперативника. – Значит, они стали пользоваться снаряжением и оружием из оставленных немцами складов.

Майор поднялся из-за стола, прошел к окну и, заложив руки на спину, стал смотреть на проезжающие по улице машины, подводы, снующих вездесущих пацанов. Мирный город, только-только стряхнувший с усталых плеч пепел войны, вновь может оказаться в огне и крови. И не только город, вся Западная Украина, за освобождение которой было заплачено такой ценой.

Воротников не так давно знакомился с показаниями пленных немецких офицеров. По показаниям бывшего начальника 2-го отдела штаба оккупационных войск генерал-губернаторства гауптмана Юзефа Лазарека, после проведенных переговоров с руководством УПА в марте-апреле 1944 года он через своего подчиненного лейтенанта Винтерассена направил из Львова в Черный лес шесть грузовых машин с оружием. Всего было отправлено более 700 винтовок и 50 пулеметов. По сведениям советской контрразведки, подобные указания о снабжении УПА оружием весной 1944 года получили первая бронетанковая и 17-я армии.

Переговоры с УПА действительно велись на самом высоком уровне. Полковник СС Шифельд показал на допросе, что еще 26 января 1944 года он провел встречу лично с Климом Савуром³. Лидер повстанцев обязался незамедлительно сообщать немцам известную УПА информацию о советских партизанах и подразделениях Красной Армии. А также оказывать помощь в их уничтожении. По достигнутой договоренности немецкая сторона обязалась обеспечить УПА оружием и боеприпасами и взять на себя финансирование разведки УПА. В знак расположения Шифельд подарил Климу Савуру полный комплект эсэсовского обмундирования, пистолет-пулемет и офицерский кортик с серебряной рукояткой. В тот же день немцы передали украинским националистам 80 автоматов и 132 винтовки чешского производства с патронами к ним. Кроме того, пообещали поставить 20 полевых и 10 зенитных орудий, 500 советских автоматов, 10 тысяч гранат и 250 тысяч автоматных патронов.

Всего по материалам, попавшим в руки НКВД, немцы до своего отступления передали УПА более 700 минометов, 10 тысяч пулеметов, 100 тысяч ручных гранат, 80 тысяч мин и снарядов, 12 миллионов патронов, 300 полевых радиостанций, 100 портативных типографий.

Страшно даже подумать, что все это оружие может в короткий срок быть пущено бандитами в дело. Москва требует от майора госбезопасности Воротникова ежедневного доклада: сколько тайников и закладок выявлено, сколько изъято оружия, боеприпасов, снаряжения.

– Придется докладывать в Москву, – тихо сказал майор, не оборачиваясь. – Сходи пообещай, по пути загляни к шифровальщику, скажи, что он мне нужен через полчаса. Через два часа начнем потрошить пленных оуновцев. Давай, Шаров, в темпе! И не забудь написать подробный рапорт об этом боестолкновении.

Оперативную группу 3-го отдела⁴ Главного управления государственной безопасности НКВД майор Воротников отправился встречать лично. Начальник Ровенского УНКВД хотел

³ Дмитро Клячківський – полковник повстанчеської армії, з 13 травня 1943 по 27 січня 1944-го – командир УПА. Відомий під псевдонімами Клім Савур, Охрім, Білаш, Роман, Щур і іншими.

⁴ Контррозвідка.

посмотреть, кого ему прислали. Матерых оперативников, у которых за спиной годы работы в сложнейших фронтовых и прифронтовых условиях, или самоуверенных избалованных начальников, привыкших руководить с карандашиком в руках, которые немецких диверсантов и украинских националистов видели только в камерах внутренней тюрьмы на Лубянке. Не хотелось Воротникову терять самостоятельности в предстоящей операции. Хуже нет, когда присылают тебе людей, которым ты вроде бы должен подчиняться, но ответственность все равно ложится на твои плечи. Такое двойное положение изматывало, мешало работе, срывало сложнейшие операции. Но, надо отдать должное, с такими «бригадами» из Москвы Воротников за годы войны встречался все же довольно редко.

Зеленый «Дуглас» со свежими незакрашенными латками на фюзеляже и плоскостях вывернул на рулежную дорожку и остановился неподалеку от машины Воротникова. Моторы взревели в последний раз, устало провернув лопасти и выпустив струи черного дыма из патрубков.

Майор, склонив бритую наголо голову, с прищуром смотрел, как открывается дверь, как пилот опускает легкую лесенку для пассажиров. По сообщению из Главка в Ровно должна прибыть оперативная группа из четырех офицеров во главе с майором госбезопасности Морозом Н. А.

На ступенях показалась плечистая фигура мужчины лет сорока с сильным волевым подбородком и погонами пехотного капитана. По тому, каким быстрым и цепким взглядом прибывший обвел пространство и сразу определил среди встречавших старшего, Воротников понял, что перед ним профессионал. Капитан поправил вещмешок на плече, перехватил из правой руки в левую обмотанный полотенцами автомат «ППС» и легко спрыгнул на траву. Следом из люка самолета показался еще один капитан. По виду чуть моложе своего командира, такой же высокий, но тоньше в талии. Было в его движениях что-то от дикой кошки.

К огромному удивлению Воротникова, из самолета больше никто не вышел. Пилот и подошедшие солдаты из роты аэродромного обслуживания стали выгружать какие-то ящики и мягкие тюки.

Капитаны подошли и остановились перед встречающим их майором.

– Вы майор Воротников? – спросил первый и бросил ладонь к козырьку фуражки. – Заместитель командира опергруппы капитан госбезопасности Бессонов. Это – член нашей группы капитан Васильев.

– Здравствуйте, – пожимая руки офицерам, ответил Воротников. – Но мне сообщили, что вас в группе четверо и командир...

– Остальные придут позже, – перебил майора Бессонов. – Мы начнем работать без них.

Майора немного покорило то, что с ним разговаривают таким тоном и не удосуживаются хоть как-то объяснить ситуацию, но он промолчал. Работа в НКВД за долгие годы приучила его смотреть чуть дальше и слышать чуть больше, чем казалось и слышалось поначалу.

– Прошу в машину, – он указал рукой на трофейный «Мерседес». – По дороге я вам сообщу последние новости, то, что не вошло в последний рапорт. Вас в Москве познакомили с материалами дела?

– Естественно! – как-то уж очень весело и непринужденно бросил капитан Васильев, усаживаясь на заднее сиденье и принимая вещмешок своего напарника. Бессонов строго глянул на Васильева и сел вперед.

– Мы познакомились с вашими рапортами, – заговорил Бессонов, когда они выехали с территории аэродрома. – Москва проанализировала и текст письма, найденного вами в куртке убитого бандита. Есть определенные умозаключения на этот счет. Мы поделимся с вами той информацией, которой сейчас располагает наш отдел. Но сначала нам хотелось бы спросить вас еще кое о чем.

– Спрашивайте, – кивнул майор, отметив, что оба офицера при выезде за пределы военного аэродрома сняли фуражки, которые хорошо видны снаружи и которые выдают в пассажирах советских офицеров. Они профессионалы, снова подумал Воротников, это хорошо.

– Вы сумели определить маршрут банды? – с заднего сиденья задал вопрос Васильев, глядя то в одно, то в другое окно машины.

– Пожалуй, нет, – задумчиво ответил майор. – Первое сообщение о появлении вооруженных людей мы получили из Стеблевки на юге района. По тревоге подняли роту НКВД из частей по охране железной дороги. Мы резонно решили, что оуновцы двигаются в направлении железной дороги. Стратегическая ветка Ровно – Ковель проходит неподалеку, эта их возможная цель сразу пришла нам в голову. Бандитов чуть было не прижали в районе Спасово, но они ушли лесами на север. Снова мы засекли их уже в лесном массиве западнее Здолбицы.

– Они знали, что за ними уже идет подразделение НКВД? – удивленно спросил Бессонов.

– Пленные показали, что командир знал. В лесу они заняли круговую оборону, он велел ждать. Чего, пленные не знают. Или пока не говорят. О конечном пункте им тоже неизвестно.

– А скажите, товарищ майор, – снова подал голос капитан Васильев, – вы осматривали оружие, которое имела банда? В каком оно состоянии было на тот момент?

– Я понял вас, – хмыкнул Воротников. – Естественно, что после ожесточенной перестрелки стволы их автоматов внутри выглядели одинаково. Но кое-что есть. Сами потом посмотрите, если захотите. Большинство немецких «МП-40» и три пулемета имеют характерные следы консервации для длительного хранения. Они, конечно, протирали оружие перед выходом в рейд, но сделано это было во многих случаях торопливо и неосновательно.

– Немецкий склад? – спросил Бессонов.

– Наверняка. И оружие они оттуда брали второпях. Не было у них возможности подготовить его основательно с неполной разборкой. Склад явно лесной.

– А пленные? – удивился Васильев.

– Эти говорят, что присоединились к группе позже и о месте расположения склада не знают. Таких закладок с оружием, снаряжением и продуктами здесь много. Мы только за последний месяц вскрыли три тайника. А сколько их еще, никому не известно. Немцы еще до отступления передавали в ОУН оружие. А уж перед своим отходом делали это на оставляемой территории крайне активно. Так что на ваш вопрос у меня ответов пока нет, а есть встречные вопросы. Что или кого они ждали, хотя уже должны были понять, что по пятам идет рота НКВД и что скоро их возьмут в тиски. Кому адресовано письмо? По какому каналу оно должно было уйти?

– Не густо, – после недолгого молчания констатировал Бессонов. – Но и времени у вас для анализа ситуации почти не было. Давайте так: вы мне дадите толкового оперативника, я с ним съезжу еще раз на место того боя. А Васильева мы посадим за личные дела. Он вам сам скажет, кто ему нужен. Из убитых бандитов многих установили?

– Больше половины. Думаю, завтра или послезавтра установим всех.

– Хорошо, – Бессонов повернул голову назад. – Сядешь и пороешься в связях установленных оуновцев из этой группы, посмотри местных лидеров, что на них есть. Особо удели внимание пособникам, тем, кто замечен в связи с ОУН: чердак им предоставил, картошечки отсыпал или табачку. Ну, ты понял.

Капитан Бессонов знал способности своего помощника. Алексей Васильев мог один сделать больше, чем несколько следователей за время ознакомления с разыскными делами. Память у Васильева была фотографическая. Если он один раз услышал или прочитал фамилию, тем более применительно к какому-то населенному пункту, или войсковой части, или разыскному делу, он запоминал ее навсегда. Всплыви она через десять дел одним лишь упоминанием, он моментально мог восстановить всю цепь событий, с ней связанную.

– Так и решим, – подвел итог Бессонов. – А первым делом познакомимся с пленными оуновцами, что вы захватили, посмотрим имущество банды.

– Это еще не все, – тихо заметил майор, объезжая несколько еще не засыпанных воронок на дороге. – Это не вошло в рапорт, потому что произошло только вчера. Да и не стал я сообщать письменно, зная, что вы приедете.

– Что такое? – насторожился Бессонов.

– После боя у нас было много раненых, а машин мало. Поэтому имущество и оружие банды после боя мы оставили на один день в местном отделении милиции в Здолбице. В ту же ночь здание милиции попытались поджечь.

Бессонов устался на майора, а Васильев взялся за спинки передних сидений и весело заметил:

– Хорошо. Это значит, что кто-то все это время за вами следил. Шла банда, вы ее выслеживали, зажали, перестреляли, а кто-то со стороны все фиксировал, прикидочки себе делал, а ночью, значит, пошел ва-банк.

– Что в результате? Много улик погребло? – спросил Бессонов.

– Нет, пожар удалось потушить сразу, да и бутылка с зажигательной смесью попала в окно совершенно другой комнаты, не той, где лежали наши трофеи.

– Дорого я бы сейчас дал, – вздохнул Васильев, – чтобы поймать за штанину того, кто эту бутылочку кидал.

– Сильно дорого? – переспросил майор, невесело улыбнувшись.

– В смысле? – устался на Воротникова капитан.

– Я говорю, сильно дорого бы вы дали за этого поджигателя? Если есть желание, можете развязывать мошну. Мы его задержали.

– Вы взяли того, кто пытался поджечь здание милиции? – на всякий случай переспросил Бессонов, как будто боялся спугнуть удачу.

– Молодой парнишка, наш, ровенский. Зовут Борис Якуба. На допросах, правда, пока молчит. Сильно его напичкали националистическими идеями. Сидит, как звереныш, но одно слабенькое местечко есть. Бойтся он. Трусит. И молчит скорее всего со страху. Пока я думаю, как к нему в душу залезть. Без уловки его не разговорить. Можно только еще больше напугать, так он возьмет и ночью в камере повесится.

Машина въезжала в Ровно со стороны старых пакгаузов. Даже смерч войны, прошедший по этим местам дважды, был бессилен уничтожить гордые величественные стены старых дореволюционных складов. Красный кирпич был выкрошен, местами зияли дыры от прошивших кирпичную кладку снарядов, но сами приземистые здания остались стоять. Даже бревенчатые строения из мореного дуба не взяли ни снаряды, ни пожары.

Бессонов увидел человека со «Шмайсером» сразу, как только тот шевельнулся у стены, поднимая оружие. Опыт мгновенно подсказал, что так на машины не нападают. Автоматные очереди редко могут остановить мгновенно. Как правило, пробиваются пулями скаты, радиаторы. Но и скрежеса по старой брусчатке дисками и паря перегретым двигателем, машина может быстро покинуть зону обстрела. А если еще в машине окажутся шустрые ребята, которые метким огнем ответят нападавшим... Нет, при нападении на машины всегда используют гранаты. Только взрывом можно гарантированно повредить автомобиль, а потом уже автоматным огнем довершить дело.

– Лешка, справа! – рявкнул Бессонов, пригибаясь ниже стекла и выдергивая из кобуры свой «ТТ».

Воротников резко нажал на газ, и машину занесло на повороте. Майор выругался, но Бессонов уже понял, что тот увидел и стрелка, и человека с гранатой. Принятое Воротниковым решение было сейчас единственно правильным. Он бросил машину в поворот и понесся на

максимальной скорости, которую только мог выжать из трофейного «Мерседеса», прямо на человека с гранатой.

Молодой мужик в кургузом пиджачке и глубоко надвинутой на глаза кепке растерялся. Бросать гранату в приближающуюся машину было поздно. Тем более что с каждой секундой заминки она приближалась к нему все быстрее. На расстоянии двадцати метров он сам пострадает от осколков своей гранаты.

А Бессонов уже стрелял через опущенное стекло в автоматчика. Выстрелы его пистолета слились с треском немецкого автомата, пули прошили со скрежещущим звуком металл кузова. Капитан даже не пытался толком целиться, понимая, что на это у него уйдет на доли секунд больше времени и, значит, он даст преимущество противнику. Стреляя наугад в сторону автоматчика, он сбивал ему прицел, заставлял искать укрытие.

Человек с гранатой метнулся в сторону, пропуская машину мимо себя. Это был самый опасный момент. Воротников ощутил, как хлопнула задняя дверца машины, и тут же раздались три пистолетных выстрела. Потом хлестнула автоматная очередь, и наступила тишина.

Бессонов стиснул локоть майора, заставляя остановиться. Капитан выскочил из машины и увидел, что Васильев стоит на одном колене и целится, держа пистолет двумя руками. Выстрел! Васильев встал, отряхивая колени и гимнастерку.

– Ну что? – подбежал Воротников.

Бандит, который намеревался бросить гранату, лежал на спине, раскинув руки и глядя в небо мертвыми глазами. Два пятна крови расплывались на его груди и еще одно на правом рукаве пиджака. Граната «РГ-42» валялась рядом. Посмотрев в ту сторону, куда стрелял капитан в последний раз, Воротников увидел второе тело. Человек висел на верхней части кирпичного забора, зацепившись полкой пиджака за какую-то железку, торчавшую из стены. Руки его безжизненно мотались из стороны в сторону.

– Еле успел. Чуть-чуть не ушел, – виновато сказал Васильев и улыбнулся. – Предупредить надо, товарищ майор, что у вас тут как на передовой. Мы хоть автоматы свои распаковали, а едем, как на курорте.

– На вас раньше были покушения? – спросил Бессонов, присаживаясь на корточки возле первого трупа и подбирая гранату.

– Всякое бывало. Не факт, что сейчас их интересовал я.

– Утечка? У вас в Управлении?

– Не обязательно. Они тоже не дураки, понимают, что мы оценили важность полученной информации. А тут еще я поехал на военный аэродром. Ясно, что встречать начальство.

– А ведь это не наши клиенты. – Бессонов стволом пистолета приподнял рукав пиджака убитого. – Это уголовник. Насколько я понимаю в их символике, у этого за спиной две ходки. Бред какой-то. Зачем уголовникам нападать на вас, майор? Может, перепутали с кем-то? С начальником милиции? У вас с этой категорией граждан трений в последнее время не было?

– Не было, – подходя к трупу, сказал Воротников. – Блатные никогда в политику не лезли. Да и к вопросам измены родине они в большинстве своем относились отрицательно.

– Это подстава, – хмыкнул Васильев. – Кстати, почему нет милиции? Мы тут войну устроили, а к нам никто не бежит. Только убегают от нас.

Несколько прохожих и в самом деле, увидев, что происходит на улице, поспешили скрыться.

Спустя некоторое время трое милиционеров все же прибежали, громко топая сапогами по брусчатке. Оставив Воротникова объясняться с милицией, Бессонов с Васильевым отправились снимать второе тело.

– Что ты имел в виду, когда назвал это подставой?

– А то и имел. Они действовали как смертники или как люди, которые не знали уровня подготовки тех, на кого они собрались нападать.

– Скорее не знали, – согласился Бессонов. – Думаешь их использовали вслепую? А ну-ка, урки, в такое-то время по такой-то улице проедет такая-то машина. Пальните в нее из «Шмайсера» да гранату бросьте для острастки. Так, что ли? Зачем? Что думаешь?

– Ну смотри. – Васильев остановился и оживленно заговорил, ухватив своего шефа за пряжку ремня. – Даже в их среде приказы пойти и умереть не действуют, если ты, конечно, в картишки не проигрался на желания. И тебе не подфартило. Вон тот, что гранатой размахивал, не шестерка какая-нибудь, у него две серьезные ходки, он умеет грамотно убивать. Такого не пошлешь на верную смерть. Значит, им не сказали о настоящей опасности. Вот этот, что на заборе красуется, вовремя смекнул и бросился шкуру спасать. Не было ему до нас уже дела, когда он понял, кто мы такие и что можем с ним сделать. Так приказы не выполняют, так удирают те, кто попал в неожиданный переплет.

– Ладно, убедил, – согласился Бессонов. – Уголовную среду кто-то здесь использует в антисоветской деятельности. И используют «втемную». Надо было все-таки стрелять по конечностям.

– Ладно тебе ворчать, – уже серьезно ответил Васильев. – Ты же видишь, что еще секунда, и его бы «Митькой звали». Прыгнул бы через забор, ищи его потом. Может, его там машина ждала?

Глава 2

Сидя перед московскими оперативниками, Шаров чувствовал себя как на экзамене. Званием они всего на ступень выше него и по возрасту не «в отцы годятся». Хотя вон тому угрюмому Бессонову, наверное, уже к сороковнику подходит. А Васильев помоложе. Интересно, Бессонову уже бы майором быть или подполковником по его возрасту, а он все в капитанах. Подробно пересказывая москвичам историю последнего боя с оуновцами, Шаров разглядывал капитанов и прикидывал в уме возможный итог этой встречи.

Приехали, все раскопали, всех арестовали, рапорта написали, медали и благодарности получили. А нам – выговора, что сами не смогли, и перспективы служебного роста коту под хвост. И доказывай потом, что работали вместе, что мы бы и без них справились, что они «выехали» за счет нас. А может, наоборот? Помогут, похвалят, к званию из Москвы представление придет. Вроде мужики неплохие, хотя кто их разберет.

А что я все о звании, о перспективах? Ну, да... Олеся! Приятно будет появиться перед ней в новом кителе с капитанскими погонами, в новеньких хромовых сапогах, пригласить ее на танец.

– Олег, ты не о том думаешь, – вдруг перебил Шарова капитан Бессонов.

– Что? – удивился и даже немного смутился Шаров. – Простите, я не понял.

– Ты сейчас пересказываешь нам события того дня, а мысли твои далеко. А нам не механический пересказ нужен, а твоя попытка взглянуть на те события еще раз свежим взглядом по прошествии времени.

«Черт, – мысленно ругнулся Шаров. – Ясновидящие какие-то».

Он посмотрел в глаза московским оперативникам и согласно кивнул. А ведь и правда... Вот Бессонов намекнул на свежий взгляд... В подсознании уже сидела занозой мысль не совсем до конца понятая, но она там уже есть, шевелится и намекает.

– Взглянул, товарищ капитан, – решительно заявил он. – Торопятся они. Время их поджимает. Отсюда и огрехи, и нелепые поступки и решения.

– Интересно! – расплылся в располагающей улыбке Васильев и подпер кулаком подбородок, как будто уселся в ожидании долгого и поучительного рассказа.

– Это пока на уровне ощущений, – добавил Шаров, уже пожалевший, что вылез со своими мыслями и интуицией. Не засмеяли бы москвичи. – Понимаете, они все время несут потери. Мы вскрываем подполье, ловим банды, перехватываем сообщения. А у них приказ из-за кордона, и они его обязаны выполнить. А сил и средств порой уже не хватает. Не все решишь только с использованием складов оружия или съестных припасов. А раз ошибаются, значит, мы все же выбиваем у них толковых командиров, лидеров, спецов по организации диверсий. И в основной своей массе закордонным руководителям приходится опираться на полуграмотных крестьян, бывших студентов и мелких служащих. А у этих людей кроме свернутых в сторону мозгов больше ничего нет.

– Ну, кое-что, я думаю, в этих головах все же есть, – поправил Бессонов. – Помимо националистических идей, там есть еще жажда крови, склонность к насилию, желание заработать на этом движении. А еще у каждого есть близкие люди, у многих семьи. А еще каждый из них, почти каждый, не готов умирать за свое дело. Мы вот готовы, а они нет!

– Можно и так сказать, – кивнул Шаров. – Все, кто к нам в руки живыми попадает, выглядят жалко. За исключением истинных борцов. Жалко выглядят, как воры, которых поймали за руку на месте преступления. Кто-то старается сотрудничать, активно дает показания, а кто-то замыкается, как перед смертью. Мол, все одно к стенке поставят. Боятся. Часто в камеру заходишь, чтобы на допрос забрать, а у него лицо сразу землистым становится и в глазах жизнь тухнет. Все ждут, что на расстрел поведут.

– Хороши патриоты, – хмыкнул Васильев. – Ну а что можешь про этого Якубу сказать, который здание милиции в Здолбице хотел поджечь?

– Герой из него не получился. Если бы ему удалось убежать, тогда бы он гоголем среди своих ходил, нос до проводов задирает. А сейчас сидит, в пол уставился и молчит. Только вздрагивает при каждом резком звуке. Показаний не дает, на вопросы почти не отвечает. Где жил и как жил, рассказывает неохотно.

– Хорошо давили на него?

– Не очень, – ответил Шаров и открыл папку на своем столе. – Мы пока по его связям пробежались, навели справки, чем занимался здесь во время оккупации. Ну, и на предмет принадлежности к ОУН. Живет он с матерью в Ровно, до войны работал на железной дороге разнорабочим. При фашистах опять собрали, кого смогли, из работников железной дороги и заставили снова там работать. Якубу в том числе. Вот список тех, с кем он поддерживал отношения и во время оккупации, и после освобождения Западной Украины по сегодняшний день. Есть основания полагать, что Якубу националисты завербовали в свои ряды еще при немцах.

– Не вяжется, – покачал головой Бессонов. – Человек на железке работает, во всех отношениях он – кадр для них ценный. И сведения может поставлять, и помощь оказать при подготовке диверсии. Зачем они его «спалили»?

– Только в одном случае, – вставил Васильев, многозначительно подняв перед собой указательный палец. – Если этот парень не представляет из себя ценности как агент. Например, туп до предела. Или за ним началась слежка, а его хозяева знают, что он информацией не владеет и никого не сможет выдать. Зачем толковым членам подпольной группы рисковать, когда можно от балласта избавиться и полезное дело сделать.

– Если он туп до предела, – с сомнением в голосе сказал Бессонов, – то ему опасно и поджог поручать. Хотя, если Шаров прав, и они сильно торопятся, то могли и такого послать. Ладно, Олег, веди его сюда, твоего Якубу, посмотрим на него живьем.

Арестованный, несмотря на свои 24 года, на вид казался совсем молодым пареньком. Щуплый, с узкими плечами, длинной бледной шеей и круглым лицом. Когда конвойный ввел Якубу в кабинет, Васильев покачал головой и высказался коротко: «Черешня на тонкой ветке».

Бессонов кивнул арестованному на стул, стоящий посреди комнаты, а сам уселся напротив верхом на другом стуле, разглядывая паренька пристально с ног до головы. Васильев сложил руки на груди и облокотился плечом на сейф у стены.

– Вот он, наш герой, – констатировал Шаров, раскрывая на своем столе дело Якубы. – Мутная личность.

– Слушай, Боря, – сказал Бессонов, глядя в лицо парня. – А почему ты не отвечаешь на допросах и не даешь показаний?

– Чтобы меня к стенке поставили и шлепнули? – огрызнулся Якуба тонким и каким-то надтреснутым голосом. – Ничего не буду говорить.

– Ага, значит, есть за что к стенке ставить? – засмеялся Васильев. – Значит, признаешь, что совершал преступления против советской власти и украинского народа?

– Вы оккупанты, вы враги украинского народа! – выпалил на одном дыхании Якуба. – А украинский народ борется за свою свободу.

– Оккупанты? – вскинул брови Бессонов. – А не Переяславская ли рада в середине XVII века во времена Богдана Хмельницкого, когда гетман Радзивилл занял Киев, решила просить помощи у России? Оккупанты, говоришь? А ты знаешь, что тогда Россия помогла украинцам и это привело к русско-польской войне, которая длилась почти три года? За вас животы свои клали, спасали вас, сами же вы помощи попросили. Оккупанты... Кто 22 июня 1941 года бомбил Киев, чьи танки терзали гусеницами засеянные поля? А чьи братские могилы по всей Украине? И лежат в них вместе те, кто жизнь отдал за вас: и русские, и белорусы, и грузины,

и татары, и казахи. Да все народы нашей страны как один встали на пути фашистов, которые вторглись вероломно, как бандиты! И ты...

Якуба без видимых эмоций выслушал эту тираду, продолжая смотреть в пол. Да и не надеялся капитан Бессонов такими вот простыми и горячими словами сломить парня, достучаться до его совести. Он скорее для себя говорил, свое право допрашивать этого паренька перед собой утверждал. Одно дело по должности допрашивать, другое – по велению души и совести.

– Ладно, воспитывать мы тебя не будем, – недобро усмехнулся Бессонов. – Есть хорошая поговорка в народе: дитя воспитывать надо, пока оно поперек лавки лежит. А как вдоль ляжет, так воспитывать уже поздно. Ты вон дылда какая, с тебя спрос теперь как со взрослого. На случай, если ты не понял или не знаешь, – мы специально прилетели из Москвы в помощь местным чекистам. Специальная оперативная группа Главного управления государственной безопасности НКВД. Твои хозяева заваривают здесь кашу, а мы этого не допустим.

Васильев неодобрительно посмотрел на товарища. Мало ли что, вдруг парень сбежит? И унесет с собой данные о специальной группе из Москвы. И будет враг во сто раз осторожнее действовать. Но вмешиваться в разговор не стал, полагая, что Бессонову виднее, он тут старший, ему и решать.

– Ты, Боря... – начал было капитан, но договорить не успел.

С треском и звоном разлетелось оконное стекло. Характерный резкий жужжащий звук и – почти одновременно с разбившимся оконным стеклом разлетелся на мелкие осколки графин с морсом, которым москвичей полчаса назад угощал Шаров. Темно-красная жидкость потекла на пол.

Бессонов сильным ударом сбил арестованного со стула и упал на него, прикрывая своим телом. Васильев с пистолетом в руке уже стоял сбоку от окна и осторожно выглядывал наружу, пытаясь определить, откуда был сделан выстрел. Судя по звуку и силе удара, стреляли из винтовки. Или «мосинка», или немецкий «Маузер».

Шаров ползком подобрался к окну и вопросительно посмотрел на Васильева. Тот убрал пистолет в кобуру и вздохнул:

– Бесполезно. Два десятка домов, не считая крыш, слуховых окон и деревьев. У твоего начальника нет дежурной роты, чтобы прочесать район? Нет. Поэтому иди к Воротникову, пусть он даст, кого сможет, и начните опрашивать жильцов и прохожих. Кто что видел, кто что слышал. Пусть поднимет участковых и ребят из уголовного розыска.

Васильев повернулся и посмотрел, как Бессонов помогает подняться Якубе.

– Смотри, Владимир Сергеевич, – Васильев подошел к парню и наклонил двумя руками его голову.

Бессонов и Шаров замерли рядом, глядя на темя Якубы, где красовалась небольшая ссадина, а на виске уже собиралась струйка крови, готовая сбежать вниз. Арестованный с перепугу еще даже не понял, что пуля едва не снесла ему полголовы.

– Бегом к Воротникову и на подворный обход! – рыкнул Бессонов. – И аптечку пусть принесут!

– Чуть-чуть, – шептал побледневший Якуба, до которого наконец дошло, что же случилось. Он все пытался рукой потрогать ранку от зацепившей его пули, но Васильев упорно отводил его руку. – Вот ведь чудо, а! Еще бы немного...

– А ведь стреляли без оптики, с близкого расстояния, – заключил Бессонов, подойдя к окну. – Судя по звуку, не дальше ста метров. Потому и промахнулся.

– Вы чего? – непонимающе закрутил головой Якуба. – В кого промахнулся?

Бессонов не спеша уселся напротив верхом на стуле. Паренек настороженно смотрел на офицера.

– В тебя, Боря, в тебя, – наконец ответил Бессонов. – Очень ты опасен для своих командиров-хозяев. Что-то ты такое знаешь, и они боятся, что ты расскажешь нам. Списали они тебя в расход, дружок. Убьют, обязательно убьют, раз решили. Нежелательный свидетель. Наверное, ты должен был погибнуть еще после попытки поджога, но почему-то не погиб. Или местные оперативники слишком шустрыми оказались, или тот, кто тебя ликвидировать после поджога должен был, промахнулся. Но это уже не важно.

– Вы чего, граждане начальники? – закрутился на стуле Якуба. – Так нельзя. Я же под охраной вашей теперь нахожусь. Нельзя же, чтобы вот так...

Бессонов захотел наорать на этого перепуганного мальчишку, который уже стал убийцей, но орать как раз не следовало. Эмоции всегда мешают принимать правильное решение. Здесь нужен только взвешенный анализ и... страх. А боится тот, кто чувствует себя одиноким перед опасностью. Тем более перед опасностью смертельной.

– Почему нельзя? – прикрыв рукой рот, Бессонов зевнул. – Ты думаешь, мы ради тебя тут баррикады городить станем? Или роту солдат отрядим, чтобы тебя охраняли? Ты молчишь, показания не даешь. На кой ты нам сдался, такой красивый? Они в следующий раз через окно пальнут, да, не дай бог, кого из нас заденут. А оно нам надо?

Якубу увели. В дверях он обернулся и посмотрел жалобно, затравленно. Бессонов удовлетворенно кивнул и поторопил конвоира. Дверь за пареньком закрылась.

Васильев уже стоял на стуле, примериваясь, чтобы определить линию, соединяющую дырку от пули в стене и то место на разбитом стекле, через которое эта пуля прошла. Жалко, что стекло разлетелось от удара, а то точку, откуда стреляли, можно было бы определить очень точно. Но Васильев успел оглянуться, когда пуля угодила в окно. Сейчас он стоял на стуле и мысленно проводил прямую линию. «Упиралась» она в окно трехэтажного дома, стоявшего от здания НКВД метрах в ста пятидесяти. Створки окна были распахнуты, на ветру колыхалась белая занавеска.

– Есть? – спросил Бессонов.

– Да, пошли!

Особенно спешить смысла уже не было. Стрелок наверняка покинул свою позицию на подоконнике сразу же после выстрела. Но следы, которые он оставил, могли помочь определить если не его личность, то хотя бы принадлежность к организации, а значит, и мотивы покушения на Якубу.

Васильев догнал командира и передал ему футляр с полевым армейским биноклем. Когда они подошли к дому, Бессонов остановился и стал смотреть вверх.

– Ты уверен, что именно это окно?

– За этаж ручаюсь, а вот какое окно, сказать точно не могу. Было бы стекло с пулевой пробоиной, было бы все ясно.

Они поднялись на второй этаж, убедившись, что здесь хорошо знакомая им коридорная система. Общая кухня и комнаты, в которые ведут двери из общего коридора. Из кухни пахло борщом, а еще там что-то кипело и шкворчало на растительном масле, которое нещадно горело. За какой-то дверью плакал ребенок, где-то играл патефон, а совсем рядом ссорились муж с женой. Несколько дверей были сломаны, висели на одной петле, в одной комнате двери не было совсем. Видать, со времен оккупации дом так полностью и не восстановили.

На третий этаж вела такая же лестница с перилами, но ступенек местами не хватало. На третьем этаже жилых квартир было меньше. Здесь было шумно по-своему: через разбитые стекла с улицы доносился шум моторов, скрип повозок, голоса.

Васильев посчитал двери, показал рукой на одну, в середине коридора. Бессонов кивнул и, оглянувшись, вытянул из кобуры пистолет. Васильев замер у двери и стал прислушиваться. К его огромному удивлению, за дверью неожиданно засмеялся ребенок и тут же кто-то из взрослых засюсюкал с ним.

Подумав, оперативники убрали оружие и постучали в дверь.

– Кто там? – негромко отозвался женский голос.

Толкнув дверь, Васильев вошел первым, сразу осмотревшись и убедившись, что при желании тут спрятаться негде. А белую занавесочку на окне все так же треплет ветерок. Старые обои на стенах, несвежая побелка на потолке, но пыли на комод и столе не было. Зато радовали глаз вязаные накрахмаленные салфетки, оживлявшие бедный интерьер. Пожилая женщина лет шестидесяти играла с маленькой девочкой в самодельные, связанные нитками и веревочками из тряпочных лоскутков куклы.

Увидев военных, женщина отложила игрушки и встала навстречу гостям, поправляя большую шаль на плечах.

– Здравствуйте, – с доброй улыбкой как можно приветливее сказал Васильев. – Вы тут живете? У вас вполне приличная комната, а в коридоре так мало осталось целых квартир.

Он обошел опешившую женщину, прошел к окну и осмотрел недавно выкрашенный масляной краской подоконник. Затем бросил взгляд на здание Управления НКВД.

Бессонов остался у двери, не закрыв ее полностью и прислушиваясь к звукам из коридора.

– А вы кто же будете? – заволновалась женщина. – По виду вроде военные или милиция.

– Военные, военные, – подтвердил Бессонов, чтобы отвлечь женщину на себя и дать возможность Васильеву воспользоваться биноклем и взглянуть на окно кабинета, в которое угодила пущенная из этого дома пуля.

– А что ж вам надо? Ищите кого?

– Скажите, вы давно дома? Не выходили на улицу, не отлучались в город?

– Никуда не отлучалась. Если только на кухню спускалась кашу внучке сварить, а так никуда. Да что случилось-то?

– Вы не слышали выстрела примерно минут двадцать назад? Или, может, какого-то резкого громкого звука неподалеку. Может, в соседних квартирах.

– Так у Самойлова что-то грохнуло, – показала женщина на соседнюю квартиру, мимо которой офицеры только что прошли. – Я думала, уронили что или стекло в раме лопнуло. Так по ушам ударило. Я стучать ему, а у него тишина. Наверное, на базаре еще, не вернулся. А я все принохиваюсь, пожара бы не случилось.

– Скажите, как вас зовут? – усаживаясь на табурет напротив женщины, спросил Бессонов.

– Наталья Никитична, – немного успокоилась женщина.

– Наталья Никитична, вы давно своего соседа Самойлова видели? Сегодня, вчера, позавчера?

– Да утром был дома, кажется, и вчера я слышала...

– Стоп, – заулыбался Бессонов как можно теплее, чтобы не пугать женщину и расположить ее к себе еще больше. – Видели или только слышали шаги?

Наталья Никитична недоуменно смотрела то на офицеров, то на игравшую на кровати внучку. Очень ей не нравились эти вопросы, не нравилось, что пришли два симпатичных, но очень уж настырных военных. На помощь звать, так они же ничего такого не делают! И пришли постучавшись, и разговаривают вежливо, но все равно отчего-то тревожно на душе. Вроде бы после войны только-только страх стал проходить, только забрезжило, а вот опять что-то темное шевельнулось внутри.

– Шаги слышала, – устало произнесла женщина. – А так, чтобы видеть... не знаю, наверное, дня два уже не видела.

Очень кстати во дворе послышались голоса и команды. Васильев выглянул из окна: у подъезда собралась группа из восьми человек в милицейской форме и в гражданской одежде, видимо оперативников из уголовного розыска.

Через десять минут в присутствии участкового и двух понятых Бессонов высадил плечом дверь соседней комнаты. Едкий запах ударил в ноздри. Увидели они то, что и ожидали. Худой мужчина лет шестидесяти, с седой недельной щетиной и острым кадыком лежал на спине со скрюченными на груди руками. Судя по следу на темени, его ударили по голове, что и послужило причиной смерти. Кровь, натекая на пол из раны, уже свернулась и потемнела.

Васильев быстро определил начавшееся трупное окоченение и наличие трупных пятен.

– Больше двух суток, – констатировал он и показал на окно, где прислоненная за занавеской к стене стояла немецкая армейская винтовка «Маузер-98 К». – Смотри, он и оружие бросил, чтобы внимания на него не обратили. Судя по бутылке и объедкам на подоконнике, он долго ждал, пока цель появится, даже, может, все два дня с трупом тут сидел.

Как, почему этот Самойлов впустил к себе домой постороннего? А может, не постороннего?

Опрос соседей довольно быстро показал, что Андрей Данилович Самойлов приторговывал всяким хламом на рынке возле Ботанического парка. По вечерам старик бродил по разрушенным домам, искал вещи и предметы быта, которые можно было починить, привести в порядок и продать на рынке. Глядишь, на буханку хлеба и хватит.

Гостей у него никто отродясь не видел, детей и других родственников никто не знал. По разговорам, вроде был сын, да погиб то ли на фронте, то ли еще где. Уточнить было нельзя: городской архив сгорел еще в 41-м году.

– Алексей, – Бессонов подозвал Васильева, который разговаривал с криминалистами. – Надо съездить еще разочек на место боя в Здолбуновский район. Останься в городе. Закончите с телом, с осмотром квартиры, займись контактами погибшего Самойлова. Снайпер не мог к нему попасть просто так. Не бывает, чтобы человек подошел на улице и через пять минут уже гостил у нового знакомого в квартире. А он гостил! Видишь на столе стаканы рядом стоят? Они пили и ели вместе, пока гость не убил хозяина и не занялся наблюдением за окнами здания НКВД.

– Жестокий тип, хладнокровный, – согласился Васильев. – Не новичок и не сопляк типа Якубы. На этом человеке должно быть много крови.

– Вот-вот. Я возьму Шарова и съезжу в Здолбуновский район.

– А вот и наш неугомонный помощник, – засмеялся Васильев, кивнув в сторону улицы.

Старший лейтенант Шаров, прижимая руки к груди, что-то энергично говорил молодой девушке в ситцевом платье. Девушка слушала его, но недолго, потом взмахнула косынкой и ушла, постукивая каблучками. Шаров вздохнул, с досадой шлепнул себя по бедру и пошел к московским оперативникам.

– Олег, – тоном заговорщика спросил Васильев, – а это кто?

– Девушка, – грустно ответил Шаров.

– Это мы поняли, – воровато оглянувшись по сторонам, ответил Васильев, – ты лучше расскажи, чего ты так оправдывался перед ней. Нашалил, что ли? Ты у нас проказник по женской линии?

– Да какое там! – взорвался было Шаров, но тут же сник и заговорил тихим виноватым голосом: – Какой из меня проказник. Она веревки вьет и погоняет меня как хочет.

– Любовь! – глубокомысленно заключил Васильев, глядя на напарника. – Она такая, зараза.

– Вы думаете, что я за ней ухлестываю, а она на меня ноль внимания, – Шаров посмотрел на оперативников и усмехнулся. – Еще решите, что я рохля и мямля. Любит она меня. Сколько уже раз после ссоры первая прибежала мириться, клялась, что жить без меня не может. Импульсивная она просто. Но и добрая. Знаете, если я на ней женюсь, я буду уверен, что в трудную минуту она меня не бросит, не оставит одного, что бы ни случилось.

– Ты, главное, работу не забрось со своими сердечными делами, – сказал наконец Бессонов.

– Виноват, товарищ капитан, – тут же подобрался Шаров. – Докладываю, пришла информация из Москвы по Доктору. Только что шифровальщик принял, и я сразу к вам. Там полагают, что речь идет об одном из лидеров ОУН Остапе Кучерене. Он родом из этих мест, активно помогал фашистам во время оккупации, принимал участие в карательных операциях эсэсовцев, выдавал подпольщиков и партизан, сам участвовал в показательных казнях. С немцами во время их отступления ушел на запад.

– Кучерена, – повторил Бессонов. – Он у нас числится в розыске еще за преступления, совершенные в составе националистических банд в Полесье. Они ушли оттуда, когда в 43-м их хорошо потрянули партизаны. Так, еще что есть по объектам оперативного розыска?

– Мы установили личности всех убитых бандитов. По нашим сведениям, под псевдонимом Бригадир, которым подписано письмо, скрывается подрайонный руководитель ОУН Николай Степаненко.

– Что за личность?

– Ничего примечательного. В 39-м вместе с родителями проживал на территории Правобережной Украины, которая вошла в состав СССР. Окончил шестимесячные педагогические курсы, работал учителем в селе Брыков, затем в Шумске. Никаких сведений о его связях с националистами до войны у нас нет. Когда пришли фашисты, начал активную пособническую деятельность, выдал многих коммунистов и советских активистов гестапо. Его довоенное фото у нас есть.

– Уже хорошо, – кивнул Бессонов. – Сегодня же фото переснять и размножить для оперативной работы. А сейчас, Олег, собирайся, поедem в Здолбицу. Еще раз осмотрим место последнего боя. Возьми с собой автоматчиков из местного гарнизона. Да попроси, чтобы дали ребят потолковее, желательнее с фронтовым опытом.

– Да, еще, – улыбнулся Шаров. – Якуба просится на допрос. Просто настаивает.

– Поговори с ним, Алексей, – согласился Бессонов. – Только не особенно обнадеживай, пусть не расслабляется, пусть из кожи старается вылезти, чтобы нам угодить.

На часах была уже половина третьего, когда на двух полуторках Бессонов с Шаровым и двумя отделениями солдат Ровенского гарнизона прибыли на опушку лесного массива под Здолбицами. Развернув карту, капитан стал показывать ориентиры Шарову и двум фронтовикам-сержантам – командирам отделений.

– По имеющимся на сегодняшний день данным, банда двигалась через Стеблевку и Спасов, обходя лесами с запада город Мизоч. Двигались осторожно, явно не желая привлекать к себе внимание. Это не был рейд по оперативным тылам, хотя банда и имела при себе не только легкое стрелковое вооружение, но и ручные пулеметы.

– Мы когда в разведку ходили на фронте, – сказал высокий скуластый сержант, – то пулеметов с собой не брали. Втихаря через линию фронта или с прикрытием, а там на кошачьих лапах до цели, выполняли задание и так же назад. А если на хвост садились гитлеровцы, то и с боем прорывались. Но всегда шли налегке.

Бессонов внимательно посмотрел на сержанта, на три его нашивки за ранения и глубокий шрам на кисти левой руки. Этот человек знал, что говорил. Видимо, воевал в полковой или дивизионной разведке.

– Ну, – спросил Бессонов, – и что вы хотите этим сказать?

– У них цель была другая, для выполнения задания им нужны были пулеметы. Вы им просто дойти не дали. Может, надо было задержать продвижение армейского резерва, который наши выслали бы на место, или готовили нападение на вооруженный объект, когда надо подавить охрану огнем.

– Хорошая мысль. Спасибо, сержант. Мы это будем иметь в виду, но с выводами пока подождем. Для выводов кое-что надо еще уточнить, в том числе и здесь. Одно отделение войдет в лес вот с этой опушки, – Бессонов показал карандашом на карте подковообразную опушку леса. – Ориентиры: одиноко стоящее дерево и устье оврага. Направление движения – строго на север с выходом к роднику, отмеченному на карте. Второе отделение входит в лес с юго-западной опушки. Ориентиры: одиноко стоящее дерево и озеро-старица. Направление движения – на северо-восток. Двигаться цепью. Расстояние между бойцами не более 10–15 метров.

Бессонов проводил инструктаж привычно, как делал это уже, наверное, сотни раз. Но сейчас он не знал точно, что искать. Да – следы пребывания людей, да – доказательства принадлежности этих людей к националистической банде. Но что это будет, предположить было сложно с самого начала. Может быть, окурок немецкой сигареты. Не факт, что этими сигаретами немцы снабжают подпольные отряды ОУН, не факт, что эти сигареты взяты из немецкого тайника. Они могли оказаться в кармане любого человека на территории, которая только что освобождена от фашистов. Это мог быть след сапога, оброненный патрон немецкого стандарта. Сейчас важно было не перечислять опытным солдатам-фронтовикам, что конкретно искать. Важно было дать им понять, на какого рода следы обращать внимание.

– И еще прошу не забывать, что в лесу могут оказаться противопехотные мины и неразорвавшиеся боеприпасы. И уж тем более вы должны быть готовы к неожиданному столкновению с оуновцами, немцами-окруженцами, которые все еще пытаются мелкими группами выйти к линии фронта. Оружие держать наготове, задерживать всех, кто встретится в лесу, хоть генерал с погонами НКВД.

Солдаты с довольным видом заулыбались, поправляя «ППШ».

«Эти не побоятся никакого врага, а вот насчет генерала НКВД это я зря пошутил», – подумал Бессонов.

– Напоминаю еще раз, товарищи, это очень важно. В случае вооруженного сопротивления, которое вам могут оказать задерживаемые, стрелять только по конечностям. Повторяю, только по конечностям.

Действовать скрыто в условиях, когда ты привез с собой два десятка вооруженных солдат, которые отправляются прочесывать лес, было бесполезно. Забрав из кабины автомат, Бессонов отправил машины на северную опушку, приказав водителям никуда не отлучаться, держать оружие наготове и на время убрать с лобовых стекол комендантские пропуска.

Наконец они с Шаровым вошли под прохладные кроны лиственного леса. Им предстояло пройти к тому месту, где банда почему-то остановилась и заняла круговую оборону. Пленные показали, что до этого на дневках их командир не отдавал таких приказов, просто выставлял боевое охранение. Здесь же, в лесном массиве, банда оборудовала пулеметные точки на основных направлениях, откуда удобнее всего было их контролировать. Они явно расположились надолго. Для чего? Для ожидания?

Бессонов не особенно надеялся получить новые улики. Ему было необходимо просто почувствовать это место, ощутить, как бы он сам здесь действовал, как бы он повел себя на месте командира того отряда ОУН, который здесь перебили бойцы полка НКВД.

Они с Шаровым прошли до самого родника, где располагались во время боя основные силы бандитов. Старший лейтенант еще раз подробно рассказал, как проходил бой, тем более что они шли как раз со стороны, откуда были атакованы оуновцы. Он показывал, где лежали тела, где стояли пулеметы. Поляну возле родника они осматривали вместе около получаса, но не нашли ничего нового, даже горелой спички. А еще через час к поляне вышли обе цепи, прочесывавшие лес.

– Никого, товарищ капитан, – доложил один из сержантов. – Свежих следов нет, от старых трава давно поднялась. Попадались старые стреляные гильзы, но это еще с зимы.

– Три противопехотные мины натяжного действия обезврежены, – доложил второй сержант. – Больше ничего примечательного. В одном направлении, если двигаться от опушки сюда, сломано несколько веток, листва подсохла. По времени как раз с того боя, о котором вы говорили. Думаю, они шли этим путем.

– Хорошо, – Бессонов кивком поблагодарил сержантов. – Перекур десять минут, а затем сантиметр за сантиметром обследовать поляну и на десять метров вокруг нее.

Такой приказ капитан отдал не столько потому, что надеялся найти что-то новое на месте дневки банды. Ему не хотелось, чтобы солдаты бездельничали и слушали их разговор с Шаровым.

– Давай порассуждаем, Олег, – расстелив на траве карту, Бессонов присел на корточки и стал водить по ней тонкой веточкой. – Банда не остановилась посреди леса, хотя плотность массива одна и та же на всех его участках. В южной части тоже есть родник, но они пришли сюда, ко второму роднику в северной части леса. Возражай!

– Ближе всего к этому лесному массиву, – задумчиво заговорил Шаров, – три села: Загора, Уездцы и Коршев. Возможно, командир оуновцев предположил, что к роднику в эту часть леса могут наведаться местные жители, и увел банду севернее.

– Может быть, – согласился капитан. – А если учесть, что в лес после боевых действий заходить просто опасно? Мины, окруженцы, дезертиры и так далее. Местное население знает о такой опасности. Сколько детишек-грибников подорвалось в таких лесах. А если нам обратить внимание, что к северной части этого массива ближе всего подходит дорога. Грунтовая, но хорошо накатанная. По ней часто ездят машины, а чуть дальше железная дорога. Не к ним ли они пытались подобраться?

– Сесть в условленное время на машину или в поезд? – предположил Шаров.

– Или встретить человека, который сойдет с машины или спрыгнет с поезда в этом месте, – добавил Бессонов. – Курьера они могли ждать. Или машину с подделанным пропуском, в которую должны были погрузиться и отправиться к нужной цели. Но тут сразу возникает вопрос, а почему они машину ждали здесь, а не южнее: у Спасово, у Мизоча? Зачем им шастать здесь с оружием, с пулеметами?

– Из-за простого курьера – такой отряд в полном вооружении? – с сомнением проговорил Шаров.

– Курьер мог быть и простым, а вот послание важным. До такой степени важным, что за него они готовы были с десяток жизней положить. Значит, цена такая. Да и в письме речь шла о какой-то готовящейся операции, которая под угрозой срыва из-за больших потерь в националистическом подполье.

– Ну, курьер мог приехать откуда угодно, – вздохнул Шаров, поднимаясь с земли и отряхивая колени.

– Да, нам пока не определить, откуда он мог приехать. Остается только предполагать, что из большого города. Или областного, или районного центра. Но есть одно направление, которое нам следует отработать, Олег. – Бессонов тоже поднялся на ноги и стал складывать карту. – Я думаю, что у них здесь, как и во многих подобных местах эстафета немного сложнее, чем просто из рук в руки. Должно быть местное передаточное звено. Я свяжусь с местными органами внутренних дел, и вы просмотрите все учеты от прописки до судимостей и заключения браков. Надо вычислить человека, который может ходить в лес, перемещаться на большие расстояния без особого подозрения. Работа у него может быть такая или привычный образ жизни. А местный связной передает по эстафете послание другому. Скорее всего, этот другой – приезжий, человек солидный, с хорошими настоящими документами и вне всяких подозрений. Или липовыми, но сделанными очень хорошо. И живет курьер не под своей фамилией, потому что она у него сильно запачкана за время оккупации. Он отвозит послание в город, откуда оно отправляется по надежному охраняемому каналу за линию фронта. В данном случае Кучерене.

Якуба выглядел довольно скверно. Капитан Васильев присматривался к пареньку, к темным кругам под запавшими глазами, к его бледному лицу, заострившимся скулам и носу. Смотрел арестованный по-прежнему в пол, но теперь чаще шмыгал носом, пальцы его рук нервно метались, то сплетаясь, то расплетаясь.

– Нервничаешь? – тихо спросил Васильев. – Понимаю.

– Что вы понимаете, – так же тихо огрызнулся Якуба и поднял наконец глаза на Васильева. – Давайте договариваться. Я уже по ночам спать не могу. Так и кажется, что в камере сейчас кто-то встанет среди ночи, подойдет ко мне, навалится и – заточку под сердце.

– Осваиваешь уголовную терминологию? Значит, приспосабливаешься к новой обстановке. Осваивай, осваивай. Выживешь, так она тебе на много лет вперед пригодится. Так о чем мы с тобой должны договариваться? Кажется, ситуация ясная как белый снег. Ты даешь показания, отвечаешь на все наши вопросы, а суд, учитывая всю глубину твоего искреннего раскаяния, дает тебе, возможно, не такой уж и большой срок. Есть еще вариант – ты не отвечаешь на наши вопросы...

– И что тогда? – машинально спросил Якуба.

– Тогда, Боря, вся твоя оставшаяся жизнь, долгая она или короткая, становится твоей личной проблемой. А может, и выпустим мы тебя с миром. Пусть твои дружки думают, что простили тебя за хорошее поведение.

– Меня убьют, – мрачно ответил паренек и опустил голову еще ниже.

– Убьют, конечно, – согласился Васильев, пододвинул стул и уселся рядом с Якубой. – Ты для них свидетель опасный. Много знаешь. Ты им удобнее мертвый. Убьют, чтобы нам ничего не рассказал. Это покушение на тебя – нам подсказка, что ты знаешь что-то важное. Давай, Борька, не будем терять время. Начинай. Зачем вам понадобилось поджигать здание милиции в Здолбице?

– Из-за вещей, что ваши привезли из леса, – пробурчал Якуба.

– Из какого леса? – терпеливо продолжал Васильев.

– Ну, в котором у ваших бой был с оуновцами! – раздраженно ответил Якуба. – Мне сказали, что там документы, личные вещи погибших, которые помогут НКВД установить их личности и, значит, навредить ближайшим родственникам. Вы их всех в Сибирь сошлете.

– Кто тебе отдавал приказ?

– Никто! Мне через посыльного передали. Вы что думаете, я с начальством общаюсь?

– А я ничего пока не думаю, – спокойно ответил Васильев. – Ты долго молчал, потом врал. Прежде чем тебе верить, я буду все твои сведения анализировать и перепроверять. Пока не буду уверен, что ты говоришь правду.

– Да, черт... – психанул Якуба, – пока вы там проверяете, меня зарежут ночью в камере.

– Так от кого тебе передали приказ?

– От Бригадира. Я вхожу в его ячейку. Кто такой, я не знаю. У нас никто ни о ком ничего не знает. Если только те, кто в боевые группы входит, те знают своих, а я в резерве у них был.

– Когда ты получил приказ?

– 18 мая, ночью. Записка с условным знаком. А 19-го я забрал из тайника бутылки с зажигательной смесью и вечером пошел поджигать.

– Ладно, Боря, попробую начать тебе верить, – вставая со стула, заявил Васильев. – Можешь спать спокойно. Не скажу, что тебе светит светлое будущее, но ты сам можешь сделать его не таким уж мрачным, и, поверь мне, то, что у тебя теперь может появиться будущее, тоже очень важно.

Арестованного увели. Васильев закрыл окно и остановился возле сейфа. Здесь, в кабинете Шарова, пуля едва не разнесла Якубе голову. То, что покушение произошло не сразу после задержания паренька, а спустя несколько дней, обнадеживало. Значит, если в управлении Воротникова есть крот, он не в самом руководстве. А может, и нет крота, может, наблюдатель

с биноклем сидел несколько дней и высматривал, где Якубу допрашивают. Скорее всего, так и было. А когда установили, то быстро подобрали место, откуда можно стрелять. Хорошо они придумали с квартирой Самойлова. Никто и не заподозрил, что у него гость, никто не стучался к одинокому пожилому мужчине. Но как и когда убийца познакомился с Самойловым? И где? Самойлов всегда на виду, он один, как перст, шатается по свалкам и развалинам. Там к нему подойти и познакомиться невозможно. Самойлов и ему подобные живут своим кланом и войти в него чужому не дадут из ревности к своим источникам хлама и пропитания. На базаре! Он сидит, к нему все время кто-то подходит, и ничего подозрительного в этом нет. Да, только там!

Васильев запер кабинет и почти сбежал вниз по лестнице. Дежурный по управлению окликнул его, собирая со стола бумаги:

– Вот, товарищ капитан, из милиции справка для вас пришла. На тех самых уголовников, которые на вас с майором Воротниковым напали, когда вы с аэродрома ехали...

Глава 3

Парень был невелик ростом, с тонкой шеей, торчавшей из воротника застиранной рубахи под поношенным серым пиджаком. Кепка с большим козырьком сидела на нем с блатным шиком. Широкие штаны заправлены в хромовые сапоги с голенищами, собранными гармошкой у самых щиколоток. Оглядываясь по сторонам, он торопливо шел по битому кирпичу, стараясь держаться ближе к стенам разрушенных домов, хотя это и было опасно: мог кирпич свалиться на голову, мог рухнуть целый участок стены, а можно было потревожить неразорвавшуюся мину или снаряд.

Эта часть города была еще не до конца расчищена. Почерневшие от пожаров руины торчали в небо острыми уступами, как корни гнилых зубов, большая часть пространства между домами была завалена битым кирпичом, обломками мебели, вывороченными с корнем деревьями. Проезжую часть кое-где уже расчистили: машины могли двигаться напрямик, не делая длинных объездов.

Но большая часть этих развалин пока еще осталась нетронутой. Сюда почти никто не ходил. Лишь иногда старики бродили там, где когда-то были их квартиры, находили остатки своего имущества, обгоревшие портреты, разбитые шкафы, этажерки или стулья. Частенько бегали пацаны, выскивая патроны или оружие, которое, говорят, еще можно было найти под завалами. Но это скорее страшилки, которые детвора рассказывала друг другу, когда наступала темнота и подростки собирались стайками во дворах.

Парень шел быстро, то и дело ныряя в разбитый дверной пролом или пролом в стене, проходил внутри разрушенного дома, выглядывал и снова шел какое-то время по улице, хрустя подошвами сапог по битому кирпичу. В какой-то момент он не успел прыгнуть в пролом стены – из-за угла появился военный патруль.

– Стой! – крикнул молодцеватый лейтенант в тесной шинели и фуражке с черным околышем.

Двое его патрульных, на бегу срывая с плеч «ППШ», кинулись в сторону подозрительного парня, но тот все-таки исчез в проломе. Лейтенант чертыхнулся и, дергая застрявший в кобуре «ТТ», побежал догонять своих подчиненных.

Черная «эмка» с мятыми передними крыльями остановилась на углу. Приоткрыв дверь машины, с переднего сиденья на бегущих патрульных смотрел молодой мужчина с золотой фиксой во рту.

– Смотри, Ворон, – обернувшись к соседу в фетровой шляпе, сидевшему на заднем сиденье, проговорил «фиксатый», – опять комендантский патруль какого-то бегунка арканит. Не нашли бы нашу хавку...

Закончить он не успел, поперхнулся и вытаращил глаза. Парень в кепке, которому приказывал остановиться патруль, отпрыгнул в пролом разрушенной стены. За ним с автоматами на изготовку бросились патрульные. Второй даже не успел забежать в пролом стены, когда в разрушенном здании раздалась короткая автоматная очередь. Сержант на миг замер, поднимая автомат и решая, стрелять или отбегать в сторону. Эта заминка стоила ему жизни. Еще одна короткая очередь ударила из здания, стена за спиной патрульного взорвалась осколками кирпича и облаком пыли. Тело сержанта осело и завалилось на бок.

Лейтенант тут же отпрыгнул в сторону, прижавшись спиной к стене. Но и ему, как видно, не хватило боевого опыта, хоть и было не занимать храбрости. Молодой офицер опустился на одно колено и приложил пальцы к шее убитого. И поплатился за эти секунды бездействия. Парень в блатной кепке выпрыгнул из пролома с автоматом в руке и дал новую очередь. И снова клубы кирпичной пыли и осколков взлетели вверх, заволакивая тела.

– Лихо, а, Ворон? Вот это он их валит! – восхищенно оскалился сидящий на переднем сиденье.

Парень в кепке уже поднялся на ноги и глядел по сторонам. Заметил он черную запыленную «эмку» за ближайшим углом или нет, непонятно. Действовал он быстро, но без суеты. Бросив автомат в пролом, он первым делом втянул внутрь за ноги убитого сержанта. Потом утащил и тело начальника патруля. Вот парень снова появился на улице, посмотрел по сторонам и, перебежав дорогу, скрылся в соседнем разрушенном здании.

– Козырь, – приказал с заднего сиденья мужчина в шляпе. – Давай-ка метнись за этим ффраерком. Поможешь ему с хвоста ментов сбросить. Укроешь до утра. А завтра к вечеру приведешь ко мне. Хочь посмотреть на него поближе.

– Понял, Ворон, – послушно выскочил из машины блатной. – Я только на секундочку, гляну на жмуриков.

– Только бегом, Козырь. Блиско не подходи, а то тебя легавые быстро по подметкам выследят.

Водитель завел мотор, и «эмка» медленно поехала по пустынной улице. Козырь взобрался на грудку кирпича и заглянул в пролом стены. Повернувшись к машине, он характерным жестом приложил руку к горлу и высунул язык, изображая мертвеца. Затем он перебежал дорогу и скрылся в том же проломе, где недавно скрылся парень, расстрелявший военный патруль.

– Давай на хазу, – проворчал Ворон. Водитель прибавил скорость, и машина, поднимая клубы пыли, скрылась за поворотом.

Когда-то на Северном рынке в Ровно был хороший ресторан. Здесь часто отмечали удачные сделки крупные торговцы. В гостинице над рестораном останавливались только государственные чиновники, приезжающие по делам торговли и потребкооперации. Это была теневая сторона торгового города. Она не имела никакого отношения к основной массе торгующих и покупающих на Северном рынке: мелким ремесленникам, приезжим колхозникам, перекупщикам и просто людям, которые пришли продать что-то ненужное из своего добра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.